УДК 811.161.1'28

DOI: 10.17223/19986645/74/8

З.И. Резанова, О.В. Рыжова, Р.Х. Ширинова

**ЯЗЫКИ В «СВЕТЛОМ ПОЛЕ» СОЗНАНИЯ БИЛИНГВА
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАТЕКСТОВ ШОРСКО-РУССКИХ
БИЛИНГВОВ КОРПУСА УСТНОЙ РЕЧИ RuTuViC)**

Представлены результаты анализа метаязыковых рефлексий билингвов, непосредственным источником наблюдений являются записи интервью и свободных бесед с шорско-русскими билингвами. На основе сопоставления с опубликованными данными выявлены специфические и общие для других типов дискурсивных условий и языковых личностей характеристики метаязыковых рефлексий. Полученные данные соотнесены с результатами текстологического анализа речевых практик и экспериментальных исследований шорско-русского билингвизма.

Ключевые слова: русский язык, метаязыковое сознание, метатекст, билингвизм, шорско-русский билингвизм

Введение

Рефлексии носителями языка разных аспектов речи, языковых единиц, используемых в процессе коммуникации, относятся к сфере языкового сознания, в структуре которого выделяется глубинный, контролирующий уровень – «автоматизированные действия говорящего при порождении речи» – и уровень поверхностный, метаязыкового сознания, который «находит выражение в рефлексии говорящего по поводу языковой организации, в суждениях индивида о языке, о собственных речевых тактиках и т.д.» [1. С. 53].

Ссылаясь на работы А.Н. и А.А. Леонтьевых, разграничивающих «четыре уровня осознаваемости речепроизводства: актуальное осознание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознаваемое, между которыми постоянное реализуются взаимодействия», А.А. Залевская замечает, что «на уровень актуального сознания может поступать только ограниченное число единиц... осознаваемое как вершина, или пик огромного айсберга, который опирается на массивную платформу того, что за пределами актуализируемого обеспечивает его осмысление» [2. С. 30–31]. Поддерживая это положение, отметим, что обращение к данным метаязыкового сознания в нашем исследовании интерпретируется как фрагмент построения интегративных моделей сложно структурированного языкового сознания билингва, вариации функционирования которого определяются множеством факторов.

Метаязыковое сознание выражается в системе метатекстов, в текстовых фрагментах, объективирующих интроспекцию носителей языка, которые определяются как выраженное «в высказывании суждение говоря-

щего о своём языке, зафиксированное в графической, аудио- или видео-записи» [3. С. 55].

Интроспективная рефлексия носителей языка может быть стимулирована в исследовательских практиках:

1) в лингвистических и психолингвистических экспериментах разного типа, когда носителю языка предлагается дать оценки каким-то языковым явлениям, в том числе с применением методик шкалирования, степени выраженности исследуемого параметра (например, [4]);

2) в широко распространённых ассоциативных экспериментах при исследовании разных аспектов семантики (например, [5]);

3) при применении экспериментальных заданий на построение разного типа речевых произведений от высказываний до целостных текстов (см., например, [6–7]).

Весьма важным для понимания соотношения разных уровней языкового сознания является сравнение результатов экспериментов, выстраиваемых на одном и том же материале с использованием разных методик:

1) актуализирующих осознанное оценочное отношение носителей языка к единицам языка;

2) построенных на выведении исследуемых единиц из сферы актуального внимания респондента.

Так, например, в экспериментах А.В. Васильевой при анализе своеобразия восприятия и когнитивной обработки эмоциональной лексики русского языка применялись методики оценочного шкалирования и поведенческие эксперименты с измерением времени реакции при выполнении респондентами задания лексического решения [8]. Результаты такого типа исследований позволяют выявить соотношение лингвистических рефлексий, выстраиваемых учеными, и рефлексий носителей языка разных социальных, возрастных, этнокультурных, этноязыковых групп, а также соотношение элементов разных уровней языкового сознания (по А.А. Залевской).

Второй путь исследований данного феномена – анализ непосредственных речевых практик, спонтанной речи носителей языка в разных дискурсивных, жанровых реализациях как среды актуализации метаязыкового сознания. О весьма значительном разнообразии аспектов рефлексии языка и речевых условий их актуализации можно судить по материалам сборников статей и коллективных монографий, опубликованных в проекте сибирских лингвистов под руководством Н.Д. Голева [9–11], который, обосновывая теоретическую и социальную значимость обращения исследователей к метаязыковому сознанию обыденных носителей языка, писал: «Обыденное метаязыковое сознание... составляет ядерный компонент ментально-языковой ситуации в современной России, поскольку с ним связан механизм синтеза онтологического и гносеологического бытия языка» [12. С. 9].

В широком спектре исследуемых лингвистами дискурсов и языковых ситуаций, актуализирующих метаязыковую рефлексия обыденных носителей языка, на наш взгляд, выделяется языковое существование личности

в иноязыковом окружении, особым образом стимулирующее выведение в «светлое поле сознания» элементов языковых структур.

В данной статье представлены результаты анализа метатекстовых фрагментов речи билингвов, проживающих в районах активного языкового контактирования. Основная направленность анализа – отражение в метаязыковых рефлексиях языкового существования личности, имеющей коммуникативный опыт с использованием не одного языка. Полученные данные соотносятся с результатами, представленными в литературе и являющимися результатами анализа других дискурсивных практик и другого языкового опыта, что дает основание для выявления общих и различных черт в направленности метаязыковых рефлексий. Наиболее значимым для нас является сравнение с выводами, полученными в результате анализа метаязыковых рефлексий носителей сибирских диалектов, полученных А.Н. Ростовской [3].

Возвращаясь к справедливому утверждению А.А. Залевской о необходимости реализации интегративного подхода к исследованию языкового сознания, отметим, что постановка и разрешение данного исследовательского вопроса является частью комплексного проекта, в котором изучается языковое сознание билингвов с помощью экспериментальных методов и собственно лингвистических методик – по текстовым «следам», в том числе и метаязыковым рефлексиям [13]. Наличие таких данных позволяет соотнести результаты анализа метаязыкового сознания с особенностями речевой деятельности и теми аспектами языкового сознания билингвов, которые определяются своеобразием их языкового опыта, но не выводятся в поле рефлексий.

Материал и источники

В данной статье мы обращаемся к материалам одного варианта билингвальных языковых ситуаций: непосредственным источником наших наблюдений являются материалы записей спонтанной речи шорско-русских билингвов, представленные в базе данных бимодального корпуса устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC [14, 15]. Записи были сделаны в ходе экспедиций членов лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета в 2017–2019 гг. в Шерегеш и Таштагол Кемеровской области и прилегающие села. Это регион компактного проживания шорцев, носителей шорского языка. В настоящее время в шорском языке выделяются два диалекта – J-кающий кондомский и z-кающий мрасский, противопоставленные на всех уровнях языковой системы, наряду с литературной формой, сформировавшейся на основе мрасского диалекта [16. С. 5]. Языковая ситуация в регионе характеризуется как билингвальная несбалансированная. Несбалансированность языковой ситуации определяется доминированием русского языка во всех сферах общения, вытеснением шорского языка в сферу обыденной и эстетически опосредствованной коммуникации [17].

Проанализированы записи бесед с 19 респондентами, общий объем звучания – более 26 часов. Анализируемые тексты представляют собой, с одной стороны, записи интервью, направленных на сбор информации о социолингвистическом статусе билингвов на основе анкеты, разработанной О.А. Казакевич [18], и анкеты языкового опыта билингва [19], с другой – записи бесед на свободные темы. Вследствие этого исследуемые тексты, на наш взгляд, следует отнести к «третьему типу» по отношению к обсуждавшимся выше, так как беседы носили тематически направленный характер, однако речь респондента не была детерминирована вопросами интервьюера в той степени, как это происходит в процессе направленных экспериментов. При этом мы все же отмечаем, что сами условия сбора материала стимулировали метаязыковую рефлексия наших собеседников¹.

В нашем материале представлены метаязыковые рефлексии, возникающие в двух типах дискурсов.

Во-первых, в анализ были включены рефлексии, стимулированные общей направленностью беседы на анализ условий функционирования языка, его освоения. Однако в интервью не содержались вопросы о структуре языка, такие вопросы могли возникнуть только как уточняющие. Отметим, что в анализ не включались ответы респондентов на прямые вопросы о знании языков самим респондентом и членами семьи по восходящей и нисходящей линии, об их использовании, об оценках качеств родного и приобретенного языка.

Во-вторых, анализировались метаязыковые рефлексии, отмеченные в контекстах бесед на разные темы, не связанные с языком. В записях представлены беседы на темы детства, семейной жизни, отношений с соседями, традиционной духовной и материальной культуры, социальных аспектов языкового существования шорцев на протяжении более чем полувековой истории – с 30-х гг. прошлого века по настоящее время. Доминируют жанровые формы беседы, рассказа, воспоминания.

Во второй половине XX в. шорский язык переместился в сферу домашнего и дружеского общения, замещаясь русским языком со все нарастающей интенсивностью во всех разнотипных социальных коммуникациях, обретая черты херитажного языка (в другой терминологии – эритажного, наследованного языка, наследуемого языка, языка семейного наследия, языка семейного общения). При этом в последние годы и эта функция деактуализируется. Язык в первую очередь поддерживается в центрах культуры, в меньшей степени – в образовании. Многие из наших респондентов являются участниками народных коллективов, общественных организаций,

¹ И в этом аспекте наш материал схож с материалом, полученным в ходе диалектологических экспедиций, в практике проведения которых также стимулируется метаязыковая рефлексия диалектоносителей. Может быть, поэтому именно материал диалектологических экспедиций послужил основой обобщающих работ по метаязыковому сознанию, как, например, работы А.Н. Ростовской [3], О.И. Блиновой [20].

направленных на сохранение шорского языка и культуры, участвуют в исследовательской экспедиционной работе, некоторые из респондентов получили высшее образование в сфере шорского языка, вследствие чего обсуждаемые в наших беседах вопросы зачастую были глубоко и разноплановно ими отрефлексированы ранее. При этом многие аспекты шорского языка осознаются нашими респондентами независимо от уровня образования и профессии (далее приводимые контексты сопровождаются нотацией, в которой маркируется образование респондента и отнесение к одной из возрастных групп)¹.

Результаты анализа

Как показал анализ, наиболее активно рефлексировываются следующие аспекты онтологии родного языка и его функционирования: 1) своеобразие шорского языка, его вариативность; 2) включенность его в тюркское языковое единство; 3) сравнение родного языка с русским языком – вторым языком билингвов; 4) отдельные языковые, прежде всего лексические, единицы.

1. Рефлексия шорской языковой идентичности, вариативности шорского языка. В рассуждениях наших собеседников о шорском языке одной из ведущих является тема значительной степени вариативности шорского языка, своеобразие литературного шорского языка и его диалектов.

Наши респонденты отмечают наличие значительных различий шорского языка у жителей разных поселков: *У нас здесь... вот, например, здесь деревня Суета есть... они тоже шорцы, но у них язык другой. Вот. В сторону Кабырзы, за Таштаголом там – у них тоже друг... они шорцы тоже. У них тоже язык другой. Ну, и это... и другие есть. Т- Кумандинцы есть и это... ну, всякие-всякие есть. Много. И вот у них языки все разные* (М.Н., н., 3); *Вот в сторону Кабырзы они.... Да. И, по-моему, этот, в Мысках тоже шорцы уже не те, не так* (Н.Н., с, 2); *...потому что... вот дети со*

¹ Здесь и далее фрагменты речи приводятся из базы данных корпуса текстов тюркско-русских билингвов Южной Сибири, хранящейся в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации, имена респондентов не приводятся. В корпусе информация хранится под кодовыми обозначениями, пользователю корпуса будут доступны только социолингвистически и психолингвистически релевантные характеристики информанта, личная идентификация недоступна. В данной статье контекст сопровождается инициальным идентификатором, дополнительно фиксируются **возраст** на время записи; отнесенность к возрастной группе: 1 – до 35 лет, 2 – от 35 до 65 лет, 3 – от 66 лет; **образование**: н. – начальное, с. – среднее, в. – высшее, нв. – неполное высшее. Таким образом, социолингвистическая характеристика данных групп, выделяемых при описании корпуса, представлена в [21]. Записи речи в корпусе и в данной статье не редактируются, в них отражены в орфографической (не в транскрипции) отклонения от норм литературной речи, в том числе в произношении (включая произношение имен собственных), а также особенности устной речи, обусловленные спонтанным, неподготовленным характером говорения неканоническая редукция, хезитация и под.).

стороны Шерегеша, Усть-Анзаса, там поселок есть, вот там у них другой говор. А вот здесь дети, которые именно Тоштагол, Кабырза, поселки, которые у нас есть, оттуда у них другой (Э.Н., в., 1).

Респонденты по-разному маркируют варианты шорского языка: «другой язык», «другой говор», «другой диалект». Данные именовании не используются в строго терминологическом обозначении, не коррелируя с оценкой степени вариаций от «немножко другой» до указания на уровень, препятствующий успешной коммуникации носителей разных диалектов: ...допустим в Кабырзе, тоже немножко диалект другой, но хотя вот этот район Тоштагульский, ааа, Кабырза, Кичи, Тоштагул, мы совпадаем по диалекту, а Мрассу, Усть-Янзас, у них немножко диалект другой вот, говорят немножко по-другому (Г.Н., нв., 2); Через тридцать километров отъедешь, и уже там совсем по-другому говорят (В.С., сс., 3). Естественно, терминологически корректное определение внутриязыковых вариантов мы находим в речи наших собеседников, получивших высшее филологическое образование или вовлечённых в культурно-просветительскую, исследовательскую деятельность в регионе.

Особой темой обсуждения становится уровень понимания и говорения на родном языке в зависимости от территориального варианта: Ну в зависимости, у нас есть нижнемратский диалект... и есть кондомский диалект, ну наверное, проценто сем...семьят у меня есть понимание. Каждого диалекта. А нижнемратский свой, ну процентов девяносто. Понимаю я кон.. больше, чем говорю (Р.С., в, 3); ...акцент у меня кондомский диалект... я не считаю, что у меня акцента нет, и я разговариваю на своем диалекте, то есть на кондомском диалекте. Я не разговариваю. Я понимать знаю мрасский диалект. Поскольку наши ученые словарь составили на мрасском диалекте (Р.С., в., 3); У меня младший брат женился, девушку привёл оттуда, со стороны Кабырзы – мы, знаете, как над ней хохотали дома? Если вот к нам придет в деревню, к маме, эй-это, она начнёт говорить – мы или сидим молчим, не знаем, чё, чё делать, чё она говорит, или чё-нить скажет – если поймём, дак это переспрашиваем (М.Н., н., 3).

Отмечаются основные параметры различий вариантных форм на разных уровнях языковой системы:

– лексические несоответствия: Слушаю, я даже...так... строго себя держу, думаю, ну, понять, какие слова понимаю, какие не пойму...подразделение у нас вишь по посёлкам... по-разному говорят. Вот, например, «платок» мы «плат» говорим, «пля» – почти материнное слово говорят они. Вот такое «пля», «пля» как-то говорят они. Ну, как «плять» говорят (Н.Н., с, 2); Ну слова у нас бывают некоторые совсем разные. Вот допустим, эти мрастинские говорят дом, они говорят м-м э:м называют дом, а мы называем здесь ууэ. Совсем слово другое (М.А., в., 2);

– лексические несоответствия как причина коммуникативных неудач: Ну, она говорит, мол: «Ну, давай мы расправлять койку и на пол стелить». Так

она, это, сказала так, а я оторопел, грю: «Чё, – грю, – сказала?». «Ну, вроде как, матрас надо вытаскавать, стелить надо». «Тык ты, – грю, – чё сказала, какое слово-то сказала, это же, – грю, – это... пол». Ну, тахтэ. Они грит: «Давай, грит, тахтэ, – грит, – это... разбирать». Я грю: «Кого ты собралась, – грю, – с пол разбирать, что ли?». «Ну почему, – грит, – стелить я буду матрас». «Так это же, – грю, – не... не так». «Ну, мы, – грит, – так говорим». Ну то есть, тахтэ – это пол (М.Н., н., 3);

– фонетическое своеобразие: *Вот в Усть-Янзасе: ай, эйзе. Угу, эйзе, вот такой эйзе, вот это вот, вроде да, вот вместо да, вместо того, что правда или чё тама, согласие у них одним эйзе. А Кабызе уже кептыдыр ошындай тыдыр, там Р. Мы их рыкалки зовём (В.С., сс., 3); Да, И, по моему, этот, в Мысках тоже шорцы уже не те. Не так. Мож, они говорят, они правильно говорят, а я думаю, мы правильно говорим. Окончания, ударения не те. (Н.Н., с, 2);*

– отражение в графике фонетического своеобразия: *В деревне, где я учился, ближе к сельсовету, в поселке, все языки сходятся шорски, а чуть подальше, у них уже разница. Окончания, они какие-то букву...букву добавляют. Уже... ниже Кабарзы поселок есть, Тайга, вот там уже тоже язык как-то не чисто или как там сказать...Мы вот так говорим по-шорскому, а они чуть-чуть по-другому. Какие-то буквы изменяются или, наоборот, добавляются, да. Уже разница есть немного (П.Н., сс., 3); Там-то, если на шорский писать, там какие-то буквы изменяются же, там, вот например, «у» с двумя точками, типа как двойное ударение или че там. ну бывает, там, иногда я сам замечаю (П.Н., сс., 3).*

Особая тема рассуждений – системное отличие современного литературного шорского языка, который создавался в практике языкового строительства на базе мрасского диалекта. Нашими собеседниками, которые в большинстве своем являются носителями кондомского диалекта, отмечается отдалённость литературного от их разговорного языка: *Я живу здесь, у нас кондомский диалект. Я передачу веду на кондомском диалекте. Понимать, все меня понимают, все знают (Р.С., в., 3); ...пока считается литературным это мрасский диалект. У нас основных два диалекта – мрасский и кондомский, а вот мы-то кондомский диалект, поэтому не все слова там сходятся (М.А., в., 2).* Вследствие этого отмечаются затруднения как в общении с жителями соседних деревень, говорящих на другом диалекте, так и в понимании литературного языка: *...мысковские шорцы, у них свой эээ своя лексикон, эээ у счаньжанских – своя, у нас своя, ну в общем, в каждом логу каждый по-своему чирикает, вот ну, да, диалект, всё это разное, да... Ну я совсем не понимаю мысковский прямо. Я лучше киргизов понимаю, ка...алтайцев, ааа своих шорцев, мысковский литературный не могу понять (В.С., сс., 3).*

Противопоставляется привычный, «свой» разговорный язык и «новый» шорский язык молодых шорцев, изучающих его в центрах шорской культуры, иногда – на факультативных школьных курсах и в университете:

И это какие-то слова, видать, пишут иль говорят ли. Вот напишет, принесёт мне: «Пап, – говорит, – переведи вот это». Я, посмотрю, мь... я говорю: «Ничё я не пойму, на, иди, у кого, это, там кто ты заставил писать, у того, – грю, – спрашивай». Ну, непонятно, чё эт такое, что за слова пишут (М.Н., н., 3); И от кто учителем, от это... выучился – он ток будет на свой язык тянуть, вот ...А у нас совсем по-этом, по-другому. Вот чё. (М.Н., н., 3).

Степень схождения литературного шорского и родного диалекта может интерпретироваться как подобная той, которая существует между шорским и другими языками тюркского единства: *Не-не-не, не можете читать на шорском... Потому что лексикон этот московский и я также владею и ээ литературным шорским так же, как и могу разговаривать с алтайцами, с у...киргизами, на таком же уровне, угу, угу (В.С., сс., 3).*

2. Вторая большая тема метаязыковых рефлексий – шорский язык в составе тюркского языкового единства. Доминантная линия в развитии данной темы – близость тюркских языков. Частными темами являются:

– общая идея близости языков: *...телеуты тоже большие, ну, телеуты у нас, ну, они языки все схожи просто, я не знаю, почему они телеуты, почему мы шорцы, я не могу объяснить. Я не знаю! (Г.Н., нв., 2); С крымскими татарами, с астраханскими татарами у нас очень язык схожий, вот мы жили с казахами, они тоже откуда, с самарской области, у них казахи на... больше сходится (Р.С., в, 3);*

– возможность понимания и говорения на родственных языках в бытовых ситуациях: *...для общения. С другими народами тюрской группы. Вот так можно. Тюрской группы именно. Потому что там же языки же понимаешь. Они разговаривают когда (Е.Н., в, 2); Ну, алтайский тоже, у них же тоже диалекты немного разные. Много мы понимаем по-алтайски, что говорят основное, ну процентов пятьдесят алтайского языка (Р.С., в., 3); У татара, казахи. Казахи – я тоже улавливаю, вот, когда они говорят. Вот зять у меня, когда в гости в Казахстан приезжали, они начинали говорить с дедом, я уши на остро держу. «Амарат, я-то понимаю, – говорю, – что говоришь ты». Который слова я уловлю (Н.Н., с, 2); Мы общались с этими, там же в основном узбеки, вот. Так я вот запросто могла вот, как на рынок пойти, по-узбецки тоже, ну и много слов, как бы и сходились, вот это. Как вот, э, хлеб там, эта, нож, что у нас это, что у них тоже. Также татарский вот это (Г.П., с., 3);*

– проявления единства и различия языков на лексическом уровне, при этом доминирует фиксация близости звучания слов как основная тактика в демонстрации единства: *Да, видите вот, м... хакасов, чай мы говорим щай, они говорят сйя вот, а в Усть-Янзасе, у них будет звучать, более грубее ещё (Г.Н., нв., 2); Я вот три недели жила в Казахстане, вот когда гостила, я уже как-то вот это, прислушалась и уже видела, что есть... и счет у них. У них, например, «бир», у нас «пир»... ага, у них «еде», у нас тоже «еде»... они говорят «уч», а у нас «уш» (Н.П., в., 2); Тюркский язык – очень*

близкий, но, например, мы говорим баш, а они – анчалы, они говорят бас, мы говорим ээ аргыштад, а они говорят аргышитат, а у них аргустав, а у нас авгастов по-шорски значит лодырь (И.А., нв., 2);

– собственно фонетические соответствия (установление таких соответствий в нашем материале представлено единичными примерами: *Ну язык хакасский – на с произношение, а у нас на ш, а с казанскими татарами у нас языки не сходятся* (Р.С., в, 3);

– установление лексических соответствий как основание рассуждений о происхождении: *Аа, ну вот серьезно говорю, есть такое. А персидский, ну вот самое главное слово, какое, знаете?.. Пайрам... Это персидское же слово. Калык у вас есть? Нет? Ну, у нас есть, и вроде у остальных такто... народ. Это из персидского тоже. ...Персидских слов много и в русском языке. Даже у финн есть персидские слова, то есть они были продвинутые ребята такие* (Н.С., в., 2).

3. Появление третьей темы метаязыковых рассуждений наших респондентов – соотношение шорского и русского языков – определяется как общими условиями языкового опыта в сфере двух языков: родного и приобретенного, функционально доминирующего, так и ситуативными условиями диалога между русскоязычными интервьюерами и двуязычными респондентами. В рамках этой общей тематики выделим следующие подтемы [20]:

– лексические соответствия шорского и русского языков: *...и в восемь-свят восьмом году у нас вот здесь в тештегельском районе начала выпускаться газета, которая называлась «Кызил шор», в переводе на русский означает «Красная шория»; Библия есть на шорском языке. э-э «Бичик» – это значит букварь по-русски, то есть он и на русском, и на шорском языке, да* (Н.С., в., 2); *Это русские называют шаман... по-шорски-то Кам* (И.А., нв., 2); *А камлать и шамла... <...> шаманить и камлать, ну, это мы камлаем, так говорим. Камла – это, ну, вон как бубен ходит и ... как... ну, через бубен э-э он общается с духами что ли, ну вот попроще вам объясняю, это тоже сложно* (Н.С., в., 2); *...а это, солили и вешали в теньке, как бы объяснить, это были, по-шорски скажем чапе, а по-русски это будет, ну типа, наверное, шалаша* (Г.Н., нв., 2).

Такие комментарии появляются «по случаю»: в рассуждениях респондент может переходить от шорского наименования к переводу на русский и комментарий или в обратном направлении – от русского к шорскому: *Духи... Мы идём, как грится, заходим, чтоб очищение, идём, вначале очищение идёт, как грится, а потом заходит все и проводят «Чил Паж», то есть «Рождение Года»* (З.И., с., 2); *...имя журавля Турун. Турун – это как эта, когда огонь обгара... вот конец палки или еще чего-нибудь обгоревшая головешка, это называется турун. И вот у птицы, журавля название турун, то есть потому что он принес для людей* (С.Г., в., 2); *Ну, эта, например, это обряд, это обряд поклонения воде, обряд поклонения, эта, как земле, обряд поклонения, эта, горе, да, эта. Ну, это по-шорски это называется сюэзинге, доэзинге, эта* (С.Г., в., 2); *Ну, эту*

Калинную гору, я его перевозжу с шорского. Это Калинная гора, а по-шорски он звучит, эта, Шаништа (С.Г., в., 2);

– соотношение грамматических систем попадает в сферу рассуждений гораздо реже. В нашем материале только один респондент обратился в своих размышлениях к этому аспекту соотношения языков: *Ну у нас, например, у шорцев, он, она, оно. У нас нету средний род, там мужской, там женский род. Да, ол. Он. Вот и всё. И если сказать она, то каткиже – женищина, если сказать мужчина, он, то эргиче (В.С., сс., 3). Рассуждения респондента о наличии уменьшительно-ласкательных слов в шорском языке было непосредственно стимулировано вопросом интервьюера: *Ну, бала, бала – ребёнок, угу. Ну, балакак как-то не звучит, как-то, ну, ребёночек. Как-то так не говорят, бала и всё. Ну, балакак. Да-да-да-да, если есть, то их мало по сравнению с русским, их ну не такое количество ...Хотя вот, допустим, вот я, допустим, смотрю, вот солнце, да – кун. А уже солнышко... уже такого я не слышала, чтобы солнышко говорили. Ну, бывает, что кунижек можно тоже так сказать. Ну, я думаю, просто это думать надо. Просто вы такой вопрос задали, я над ним никогда не задумывалась (В.С., сс., 3);**

– различия языков на разных уровнях: *...я не люблю писать, но мысль-то такая есть, конечно, писать я не пишу, помочь кому перевести – пожалуйста... сложно, сложность, потому что это как бы своеобразно, на русском языке можно сказать, три-четыре предложения можно сказать, а я скажу просто двумя словами... да, или даже могу одно слово сказать, это все будет понятно... или наоборот, русское предложение маленькое, а мне надо вот сказать вот столько, но бывает можно не добавлять, если мо... мы, то есть это мой – ым добавляется, это мой, а могу сказать мел, номым, то есть я могу подтвердить, что именно это мой, моя книга, по-разному, да. А одно слово вот, номым, это понятно, ым добавляется, моя книга, а если конкретизировать что-то, моя, мем, номым есть эн, а есть ым, мем (Р.С., в., 3); ...у нас в шорском языке 39 букв, а в русском языке 33, а у нас 39, вообще 43 было. Вот к по-шорски: к есть и есть кэ, есть у и есть ую, есть о, есть оэ, и в отличие от русского языка у нас есть слова, которые начинаются на ы <...>, например, самое главное слово это ыныс – это счатье. Ырыс, ырыстых – это счастливый, ырыстыхчи – осчастливленный... И еще у нас есть ырымар, ы-ры-мар – это находящийся на другой стороне, бегущий со стороны (И.А., нв., 2).*

Обсуждение

Наши материалы позволяют выявить общее и специфичное в метаязыковых рефлексиях билингвов в сравнении с рассуждениями о языке представителей других типов носителей русского языка и проявленных в других вариантах дискурсивных практик.

Сравнение с результатами анализа метаязыковых рефлексий носителей русских сибирских диалектов, представленного в монографии А.Н.

Ростовой [3]¹, свидетельствует о ярком отличии нашего материала. Факт билингвального существования определяет включенность в сферу рефлексий не только родного языка, его вариативности, нормативности отдельных единиц, что отражено в исследовании А.Н. Ростовой, но и разные аспекты включенности родного языка в более широкое единство родственных языков и в поле сопоставлений со вторым, приобретенным русским языком.

Возвращаясь к вопросу о соотношении языкового сознания, его глубинного уровня, уровня регуляции речевой деятельности и уровня метаязыковой рефлексии, отметим, что наши данные подтверждают утверждения А.А. Залевской о том, что на уровень осознания выводится только незначительная часть айсберга, обеспечивающего владение языком, речевую деятельность [2. С. 30–31].

1. В «светлое поле сознания» носителей тюркско-русского билингвизма вовлекаются прежде всего лексикон, фонетика языка и ее отражение в графике. И в данном случае проявляется общая тенденция: практически во всех работах, отражающих метаязыковую деятельность различных типов говорящих рассматриваются прежде всего лексические единицы (см., например, работы, представленные в уже упоминавшихся коллективных монографиях и сборнике статей, в которых анализируются проявления метаязыкового сознания в разных дискурсах (поэтическом – Н.А. Кузьмина [11. С. 279–304], А.Н. Черняков [11. С. 325–335], Н.А. Николина [11. С. 336–353], философском – Ю.С. Паули [11. С. 239–253], медицинском – Н.В. Гончаренко [9. С. 357–364], интернет-коммуникации – Н.Б. Лебедева [9. С. 297–310] и др.). Единичные работы, посвященные метаязыковым рефлексиям грамматики и текстуальности, например грамматического рода (В.О. Макавчик [9. С. 123–129]), жанра (О.П. Сологуб [11. С. 254–278]), представляют результаты направленных экспериментов.

Актуализация же аспектов фонетики и графики родного языка в метатекстах наших респондентов определяется, на наш взгляд, спецификой данного типа билингвальной ситуации, которую представляли наши респонденты, – значительное варьирование фонетических систем основных диалектов шорского языка, наличие отличий в алфавите шорского языка, построенного на основе кириллицы с введением дополнительных элементов.

Вместе с тем практически не попадают в сферу осознания нашими респондентами вопросы грамматики, в том числе в общей тематике сравнения систем родного и второго – русского – языков. При этом, как показали результаты проведенных исследований, в речевых практиках шорско-русских билингвов преобладают речевые сбои, связанные с грамматиче-

¹ Отметим, что выводы А.Н. Ростовой построены на материале, собранном в аналогичных условиях, аналогичными способами – в ходе интервью и свободных бесед, при этом она включала в анализ и ответы на прямые вопросы, направляющие тему метаязыковых рефлексий [22], в данной статье, как уже было отмечено нами, такой материал не анализировался.

ской категоризацией по роду (отсутствующей в материнском языке наших респондентов) и падежу (имеющему значительные различия в частных значениях и системе формального маркирования) [23], аспект родовых различий был отмечен только одним респондентом, проблемы падежного управления не попали в сферу рефлексий вообще.

Эти данные коррелируют с результатами психолингвистических экспериментов, фиксирующих влияние определенных аспектов языкового опыта на процессы когнитивной обработки единиц второго языка, проведенного в рамках общего проекта исследования языкового взаимодействия языков Южной Сибири. Результаты экспериментов показали доминирование лексико-семантических, а не формально-грамматических стратегий обработки грамматического рода тюркско-русскими билингвами [24].

В докторской диссертации А.Н. Ростовой отмечены гендерные различия в характере метаязыковых рефлексий, особенности женского и мужского типов метаязыковой деятельности [22. С. 36]. Наши материалы, гораздо более ограниченные по объему, не позволяют подтвердить или опровергнуть данные выводы, как и зависимость направленности рефлексий о языке от типа темперамента, экстравертированности / интравертированности, когнитивного стиля мышления, как это сделано в исследовании А.Н. Ростовой. Однако согласимся с утверждением данного автора о значительной степени индивидуальных различий в этом типе когнитивно-коммуникативной деятельности билингвов. При том что все наши респонденты отвечали на прямые вопросы, касающиеся разных аспектов функционирования языка и его оценки (анализ этих ответов был представлен в публикациях [17, 21]), только некоторые из них возвращались к метаязыковым рассуждениям в свободной беседе: были проанализированы записи интервью и бесед 19 респондентов, однако метатекстовые вкрапления в свободных беседах отмечены у 11 респондентов со значительным различием в обращении к данной общей теме.

Таким образом, наши материалы подтверждают наблюдения исследователей, анализирующих метаязыковое сознание на материале больших выборок респондентов, о том, что метаязыковая деятельность определяется «внутренней, личностной предрасположенностью к анализу языка» [3. С. 73]. Данная склонность не зависит напрямую от уровня образования, которое влияет скорее на характер рассуждений, которые могут нести в себе следы филологического образования, практики преподавания родного языка, но не на наличие предрасположенности к этому типу рефлексивной деятельности. При наличии такой расположенности значительное влияние на характер рефлексий оказывает специфика языкового опыта.

Литература

1. *Ростова А.Н.* Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвузовский сборник научных статей / отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово ; Барнаул, 2008. С. 49–57.

2. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 30–34.
3. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 193 с.
4. Резанова З.И., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики имен существительных в восприятии носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов (на основе психолингвистической базы данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 32–40. doi: 10.17223/15617793/455/5
5. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков ; Москва : РА Каравелла, 2001. 320 с.
6. Голев Н.Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке : тезисы докладов конференции. Кемерово, 1994. С. 82–84.
7. Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Языковая картина мира как текстопорождающая категория (на материале сочинений по картине «Девочка с персиками» В.А. Серова // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 11–16.
8. Васильева А.В. Влияние билингвизма на когнитивную обработку эмоциональных слов (тюркско-русский билингвизм) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 5–11. doi: 10.17223/15617793/455/1
9. Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвузовский сборник научных статей. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 480 с.
10. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Ч. 1. 532 с.
11. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Томск : Изд-во ТГПУ, 2009. Ч. 2. 437 с.
12. Голев Н.Д. От редколлегии: лингвистика метаязыкового сознания (проблемы и перспективы) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. Кемерово ; Барнаул, 2008. С. 5–12.
13. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.
14. Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона». Свидетельство о государственной регистрации базы данных № RU 2019620803. Артёмenco Е.Д., Буб А.С. Васильева А.В., Душейко А.С., Машанло Т.Е., Нагель О.В., Резанова З.И., Сафиуллина Е.Ш., Степаненко А.А., Темникова И.Г.
15. *The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC)* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2019. Вып. 18, дополнительный том. С. 200–210. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvolplus.pdf
16. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.
17. Резанова З. Образ языка в дискурсах этнолингвистической и этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев // Interface. Journal of European Languages and Literatures. Autumn 2020. Is. 13. P. 97–120. doi: 10.6667/interface.13.2020.
18. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.
19. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2005. Vol. 50, № 4. P. 940–967.

20. Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989. С. 122–126.

21. Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (шорско-русское и татарско-русское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68.

22. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Томск, 2000. 40 с.

23. Резанова З.И., Дыбо А.В. Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // Русин. 2020. № 62. С. 144–158. doi: 10.17223/18572685/62

Languages in the “Light Field” of Bilingual Consciousness (Based on the Metatexts of Shor-Russian Bilinguals in the RuTuBiC Oral Speech Corpus)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 130–145. DOI: 10.17223/19986645/74/8

Zoya I. Rezanova, Olga V. Ryzhova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru / ryzhova19931993@mail.ru

Raima H. Shirinova, National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan) E-mail: Shirinova.raima@gmail.com.

Keywords: Russian language, metalanguage consciousness, metatext, bilingualism, Shor-Russian bilingualism.

The article presents the results of the analysis of meta-linguistic reflexions of bilinguals; the direct sources of observations are the recordings of interviews and free conversations with Shor-Russian bilinguals. The research is based on the theoretical statements about the presence of a complex structure of language consciousness, in which the deep, controlling level and the surface level of metalanguage consciousness are distinguished (A.A. Leontiev and others), about the expression of metalanguage consciousness in the system of metatexts, in text fragments that objectify the introspection of native speakers (O. Blinova, A. Rostova, N. Golev, and others). A direct source of observations is recordings of spontaneous speech of Shor-Russian bilinguals presented in the database of the bimodal corpus of oral speech of Turkic-Russian bilinguals, made during expeditions of members of the Laboratory of Linguistic Anthropology of Tomsk State University in 2017–2019 in Sheregesh and Tashtagol, Kemerovo Oblast, and the adjacent villages. Recordings of conversations with 19 respondents were analyzed, the total volume of audios is more than 26 hours of sound. Our data confirm A.A. Zalewska’s statements that only a small part of language consciousness, providing for language proficiency and oral activity is deduced to the level of consciousness. The fact of bilingual existence determines the inclusion of not only the native language, its variability and normativity of separate units, but also various aspects of the inclusion of the native language in the broader unity of related languages and in the field of comparisons with the second, acquired, Russian language into the sphere of reflections. The lexicon, and phonetics with its reflection in the script are first to get involved in the “light field of consciousness” for Turkic-Russian bilinguals. In this case, there is a general tendency noted by almost all researchers of metalinguistic consciousness. The actualization of phonetic and graphic aspects of the native language in the metatexts of our respondents is determined by the specifics of the type of bilingual situation our respondents represented. They were a significant variation of phonetic systems of the main Shor dialects, the presence of differences in the alphabet of the Shor language built on the basis of the Cyrillic alphabet with the introduction of additional elements. At the same time, our respondents’ awareness of grammar issues, including the general topic of comparing the systems of the native and the second Russian languages are practically nonexistent. Our materials confirm the researchers’

observations that meta-linguistic activity is determined by one's internal, personal predisposition to language analysis. This disposition does not directly depend on the level of education, which affects rather the character of reasoning, which may bear traces of philological education, the practice of teaching the native language, but not the presence of a predisposition to this type of reflexive activity. However, in the presence of such disposition, the specificity of language experience has a significant influence on the character of reflexions.

References

1. Rostova, A.N. (2008) Obydennoe metayazykovoe soznanie: status i aspekty izucheniya [Ordinary metalinguistic consciousness: status and aspects of study]. In: Rostova, A.N. (ed.) *Obydennoe metayazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika* [Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 49–57.
2. Zalevskaya, A.A. (2003) Yazykovoe soznanie: voprosy teorii [Linguistic consciousness: issues of theory]. *Voprosy psikholingvistiki*. 1. pp. 30–34.
3. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri)* [Metatext as a Form of Explication of Metalinguistic Consciousness (on the Material of Russian Dialects of Siberia)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2020) Pertseptivnyy komponent semantiki imen sushchestvitel'nykh v vospriyatii nositeley russkogo yazyka kak rodnogo i tyurksko-russkikh bilingvov (na osnove psikholingvisticheskoy bazy dannykh RuWordPerception) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 32–40. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/455/5
5. Goroshko, E.I. (2001) *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [An integrative model of a free associative experiment]. Kharkiv; Moscow: RA Karavella.
6. Golev, N.D. (1994) [Variation of derivative contexts as a way to identify and study the potential of the derivational functioning of the word]. *Yavlenie variativnosti v yazyke* [The phenomenon of variability in language]. Abstracts of the Conference. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 82–84. (In Russian).
7. Golev, N.D. & Shpil'naya, N.N. (2009) Yazykovaya kartina mira kak tekstoporozhdayushchaya kategoriya (na materiale sochineniy po kartine “Devochka s persikami” V.A. Serova [Language picture of the world as a text-generating category (on the material of essays based on the painting “Girl with Peaches” by V.A. Serov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 11–16.
8. Vasil'eva, A.V. (2020) The Influence of Bilingualism on Emotional Words Cognitive Processing (Turkic-Russian Bilingualism). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/455/1
9. Rostova, A.N. (ed.) (2008) *Obydennoe metayazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika* [Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
10. Golev, N.D. (ed.) (2009) *Obydennoe metayazykovoe soznaniy: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]. Part 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
11. Golev, N.D. (ed.) (2009) *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]. Part 2. Tomsk: TSPU.
12. Golev, N.D. (2008) Ot redkollegii: lingvistika metayazykovogo soznaniya (problemy i perspektivy) [From the Editorial Board: Linguistics of Metalinguistic Consciousness (Problems and Prospects)]. In: Rostova, A.N. (ed.) *Obydennoe metayazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika* [Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 5–12.

13. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of Psycho-Linguistic and Cognitive Aspects of Language Contacting in the Project “Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures”. *Rusin.* 2 (52). pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8
14. Artyomenko, E.D., Bub, A.S., Vasilyeva, A.V., Dusheiko, A.S., Mashanlo, T.E., Nagel, O.V., Rezanova, Z.I., Safiullina, E.Sh., Stepanenko, A.A. & Temnikova, I.G. (n.d.) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № RU 2019620803 “Bimodal'nyy korpus ustnoy rechi zhiteleyuzhno-sibirskogo regiona”* [Certificate of State Registration of Database No. RU 2019620803 “Bimodal Corpus of Oral Speech of People of the Southern Siberia”].
15. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G., Artyomenko, E.D., Stepanenko, A.A., Datsyuk, V.V. & Dybo, A.V. (2019) The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC). In: Selegey, V.P. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog”* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue”]. Issue 18. Supplementary volume. pp. 200–210. [Online] Available from: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvollplus.pdf
16. Dyrenkova, N.P. (1941) *Grammatika shorskogo yazyka* [Grammar of the Shor language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
17. Rezanova, Z. (2020) Modern Shors in Siberia – the image of language in the discourses of ethno-linguistic self-determination. *Interface. Journal of European Languages and Literatures.* 13. pp. 97–120. DOI: 10.6667/interface.13.2020
18. Kazakevich, O.A. (2006) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Documentation of endangered languages of Siberia (on the material of two villages of Krasnoyarsk Krai)]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda.* 3 (44). pp. 221–231.
19. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2005) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research.* 50 (4). pp. 940–967.
20. Blinova, O.I. (1989) Yazykovie soznanie i voprosy teorii motivatsii [Linguistic consciousness and issues of the theory of motivation]. In: Shmelev, D.N. (ed.) *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Moscow: Nauka. pp. 122–126.
21. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of Sociolinguistic Processes in Southern Siberia Mirrored in Bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar Language Interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 436. pp. 56–68. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/8
22. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri)* [Metatext as a form of explication of metalinguistic consciousness (on the material of Russian dialects of Siberia)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
23. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2020) Deviations From the Speech Standard in the Regional Version of Oral Russian Speech: Intralingual and Interlingual Interactions. *Rusin.* 62. pp. 144–158. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/62